

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о четвертом путешествии

Сказка о Синдбаде-мореходе

Знайте, о братья мои, что, вернувшись в город Багдад, я встретился с друзьями, родными и любимыми и жил в величайшем, какое бывает, наслаждении, веселье и отдохновении. Я забыл обо всем, что со мной было из-за великой прибыли, и погрузился в игры, забавы и беседы с любимыми друзьями, и жил я сладостнейшей жизнью.

И злая моя душа подсказала мне, чтобы отправился я путешествовать в чужие страны, и захотелось мне свести дружбу с разными людьми и продавать и наживать деньги.

И я решился на это дело и купил прекрасных товаров, подходящих для моря, и, связав много тюков, больше, чем обычно, выехал из города Багдада в город Басру.

Я сложил мои тюки на корабль и присоединился к нескольким знатным людям Басры, и мы отправились в путь. И корабль ехал с нами, с благословения Аллаха великого, по ревущему морю, где бились волны, и путешествие было для нас хорошо, и ехали мы таким образом дни и ночи, переезжая от острова к острову и из моря в море. Но в один из дней напали на нас ветры, дувшие с разных сторон, и капитан бросил корабельные якоря и остановил корабль посреди моря, боясь, что он потонет в пучине.

И когда мы были в таком положении и зывали к Аллаху великому и умоляли его, вдруг напал на нас порывистый и сильный ветер, который порвал паруса и разодрал их на куски, и потонули люди со всеми тюками и теми товарами и имуществом, которое у них было; и я тоже стал тонуть вместе с утопавшими и проплыл по морю полдня и уже отказался от самого себя, но Аллах великий приготовил для меня кусочек деревянной доски из корабельных досок, и я сел на нее вместе с несколькими купцами..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда корабль утонул, Синдбад-мореход выплыл на деревянной доске вместе с несколькими купцами. "И мы прижались друг к другу, – говорил он, – и плыли, сидя на этой доске и отталкиваясь в море ногами, и волны и ветер помогали нам.

И мы провели таким образом день и ночь, а когда настал следующий день, поднялся против нас на заре ветер, и море забушевало, и волнение и ветер усилились, и вода выбросила нас на какой-то остров; и мы были точно мертвые от сильной бессонницы, утомления, холода, голода, страха и жажды.

Мы стали ходить по этому острову и увидели на нем множество растений и поели их немного, чтобы задержать дух в теле и напиться. И мы провели ночь на краю острова, а когда настало утро и засияло светом и заблестало, мы поднялись и стали ходить по острову направо и налево, и показалась вдали какая-то постройка.

И мы пошли к постройке, которую увидели издали, и шли до тех пор, пока не остановились у ворот; и когда мы там стояли, вдруг вышла к нам из ворот толпа голых людей, и они не стали с нами разговаривать, а схватили нас и отвели к своему царю. И тот приказал нам сесть, и мы сели, и нам принесли кушанье, которого мы не знали и в жизни не видели ему подобного. И душа моя не привяла этого кушанья, и я съел его немного, в отличие от моих товарищей, – и то, что я съел мало этого кушанья, было милостью от Аллаха великого, из-за которой я дожил до сих пор.

И когда мои товарищи начали есть это кушанье, их разум пошатнулся, и они стали есть точно одержимые, и их внешний вид изменился; а после этого им принесли кокосового масла и напоили их им и намазали, и когда мои товарищи выпили этого масла, у них перевернулись глаза на лице, и они стали есть это кушанье не так, как ели обычно. И я не знал, что думать об их деле, и начал горевать о них, и овладела мною великая забота, так как я очень боялся для себя зла от этих голых.

И я всмотрелся в них, и оказалось, что это маги, а царь их города гуль, и всех, кто приходит к ним в город, кого они видят и встречают в долине или на дороге, они приводят к своему царю, кормят этим кушаньем и мажут этим маслом, и брюхо у них расширяется, чтобы они могли есть много. И они лишаются ума, и разум их слепнет, и становятся они подобны слабоумным, а маги заставляют их есть еще больше этого кушанья и масла, чтобы они разжирили и потолстели, и потом их режут и кормят ими царя; что же касается приближенных царя, то они едят человеческое мясо, не жаря его и не варя.

И, увидев подобное дело, я почувствовал великую скорбь о самом себе и о моих товарищах, а разум у них был так ошеломлен, что они не понимали, что с ними делают.

И их отдали одному человеку, и тот брал их каждый день и выводил пастись на острове, как скотину; что же до меня, то от сильного страха и голода я стал слаб и болезнен телом, и мясо высохло у меня на костях; и маги, увидев, что я в таком положении, оставили меня и забыли, и никто из них не вспомнил обо мне, и я не приходил им на ум.

И однажды я ухитрился и вышел из этого места и пошел по острову, удалившись оттуда, где я был раньше. И я увидел пастуха, который сидел на чем-то высоком посреди моря, и всмотрелся в него – и вдруг вижу: это тот человек, которому отдали моих товарищей, чтобы он их пас, и с ним было много таких, как они.

И, увидев меня, этот человек понял, что Я владею своим умом, и меня не постигло ничто из того, что постигло моих товарищей, и сделал мне издали знак и сказал: "Возвращайся назад и иди по дороге, которая будет от тебя справа. Ты выйдешь на султанскую дорогу". И я повернул назад, как этот человек показал мне, и, увидев справа от себя дорогу, пошел по ней и шел не переставая и я то бежал от страха, то шел не торопясь. И я отдохнул и шел таким образом, пока не скрылся с глаз того человека, который указал мне дорогу, и я перестал его видеть, и он не видел меня, и солнце скрылось, и наступила тьма, и я сел отдохнуть и хотел заснуть, но сон не пришел ко мне в эту ночь от сильного страха, голода и утомления, а когда наступила полночь, я поднялся и пошел по острову, и шел до тех пор, пока не взошел день.

И наступило утро и засияло светом и заблестало, и взошло солнце над холмами и долинами; а я устал и чувствовал голод и жажду. И стал я есть траву я растения, и ел, пока не насытился и не задержал дух в теле, а после этого я поднялся и пошел по острову, и шел таким образом весь день и ночь; и всякий раз, когда я начинал чувствовать голод, я ел растения.

И я бродил семь дней с ночами, а на заре восьмого дня я посмотрел и увидел что-то издали. И я пошел к тому, что увидел, и шел до тех пор, пока не дошел до этого после заката солнца; и тогда я всмотрелся в то, что увидел, стоя вдали (а сердце мое было испугано тем, что я испытал в первый и во второй раз), и вдруг оказалось, что это толпа людей, которые собирают зернышки перца; и я приблизился, и, увидев меня, они поспешили ко мне и обступили меня со всех сторон и спросили: "Кто ты и откуда ты пришел?" – "Знайте, о люди, что я человек бедный", – ответил я. И я рассказал им обо всех ужасах и бедствиях, которые были и случились со мной, и о том, что я испытал..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Пятьсот пятьдесят вторая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбадмореход увидел толпу людей, которые собирали на острове перец, и они спросили его, что с ним, и он рассказал им обо всем, что с ним случилось и какие он испытал бедствия. И они сказали: "Клянемся Аллахом, это дело диковинное! Но как ты спасся от черных и как ты прошел мимо них на этом острове? Их много, и они едят людей, и никто от них не спасается, и ни один человек не может мимо них пройти". И я рассказал им о том, что у меня случилось с черными и как они взяли моих товарищей и накормили их тем кушаньем, а я не ел его, и меня поздравили со спасением и подивились тому, что со мной случилось.

И эти люди посадили меня подле себя, а окончив свое дело, принесли мне немного хорошего кушанья, и я поел его (а я был голоден) и отдохнул у них некоторое время; а после этого меня взяли и посадили в лодку и перевезли на их острова, к их жилищам.

И меня представили их царю, и я пожелал ему мира, и он сказал мне: "Добро пожаловать!" – и проявил ко мне уважение и спросил, что со мной было. И я рассказал ему о бывших со мной делах и обо всем, что со мной случилось и произошло с того дня, как я вышел из города Багдада, до того времени, как я прибыл к царю. И царь этих людей до крайности удивился моему рассказу и тому, что со мной произошло, так же как и те, кто присутствовал в его зале; а потом он велел мне сесть подле себя, и я сел, и он приказал принести еду, и ее принесли, и я съел столько, сколько было достаточно, и вымыл руки и поблагодарил Аллаха великого за милость и прославил его и воздал ему хвалу. А затем я вышел от царя и стал гулять по городу, и я увидел, что он благоустроен и в нем много жителей и богатств, и там немало кушаний, рынков и товаров и продающих, и покупающих; и обрадовался я, что достиг этого города, и душа моя отдохнула. И я привык к этим людям и стал пользоваться у них и у царя уважением и почетом большим, чем жители его царства и вельможи его города.

И увидел я, что все люди, и малые и великие, ездят на чистокровных конях без седел, и удивился этому и спросил царя: "Почему, о владыка мой, ты не едешь на седле?"

Седло дает отдых всаднику и укрепляет его силу". – "А что такое седло? – спросил царь. – Это вещь, которую мы в жизни не видали и никогда на ней не ездили". – "Не разрешишь ли ты мне сделать для тебя седло? Ты будешь на нем ездить и увидишь, как это приятно", – сказал я. И царь ответил мне: "Сделай!" И тогда я сказал:

"Вели принести мне немного дерева". И царь приказал принести все, что я потребую, и я позвал ловкого плотника и стал сидеть с ним и учить его, как изготавливаются седла и как их делают.

И я взял шерсти и расчесал ее и сделал из нее войлок, а потом я принес кожу, обтянул ею седло и придал ей блеск, и после этого приладил к седлу ремни и привязал к нему подпруги.

А затем я призвал кузнеца и описал ему, как выглядит стремя, и кузнец выковал большие стремяна, и я отполировал их и вылудил оловом и подвязал к ним шелковую бахрому. И после этого я поднялся, привел коня из лучших царских коней и, привязав к нему это седло, подвесил стремяна и взнуздал коня уздой и привел его к царю.

И седло понравилось царю и пришлось ему по сердцу, и он поблагодарил меня и сел на седло, и его охватила изза этого великая радость, и он дал мне много денег за мою работу. И когда везирь царя увидел, что я сделал это седло, он потребовал от меня еще одно такое же; и я сделал ему такое же седло, и все вельможи правления и обладатели должностей стали требовать от меня седел, и я делал их им.

Я научил плотника делать седла и стремяна и продавал их вельможам и господам, и скопил я таким образом большие деньги, и мое место у этих людей стало великим; и они полюбили меня сильной любовью; и занял я высокое положение у царя и его приближенных, и вельмож города, и знатных людей царства.

И в какой-то день я сидел у царя, пребывая в крайней радости и величии; и когда я сидел, царь вдруг сказал мне: "Знай, о такой-то, что ты стал у нас почитаемым и уважаемым и сделался одним из нас, и мы не можем с тобой расстаться и не в состоянии перенести твоего ухода из нашего города. Я хочу от тебя одной вещи, в которой ты меня слушаешь и не отвергнешь моих слов". – "А чего ты хочешь от меня, о царь? – спросил я. Я не отвергну твоих слов, так как ты оказал мне благодеяние и милость и добро, и, слава Аллаху, я стал одним из твоих слуг". – "Я хочу, – сказал царь, – дать тебе прекрасную, красивую и прелестную жену, обладательницу богатства и красоты. Ты поселишься у нас навсегда, и я дам тебе жилище у себя, в моем дворце. Не прекословь же мне и не отвергай моего слова".

Услышав слова царя, я застыдился и промолчал и не дал ему ответа от великого смущения; и царь спросил меня: "Почему ты мне не отвечаешь, о дитя мое?" – "О господин, – отвечал я, – приказание принадлежит тебе, о царь времени!"

И царь в тот же час и минуту послал привести судью и свидетелей и тотчас женил меня на женщине, благородной саном и высокой родом, с большими деньгами и богатствами, великой по происхождению, редкостно красивой и прекрасной, владелице поместий, имуществ и имений..."

И Шахразад устал и застыл, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят третья ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь женил Синдбада-морехода и заключил его брачный договор с одной великой женщиной.

"А потом, – говорил Синдбад, – он дал мне большой прекрасный отдельный дом и подарил мне слуг и челядь и установил мне жалованье и выдачи; и стал я жить в великом покое, веселье и радости и забыл о всех тяготах, затруднениях и бедах, которые мне достались. "Когда я поеду в свою страну, то возьму жену с собой, – подумал я. – Все, что суждено человеку, непременно случится, и никто не знает, что с ним произойдет".

И я полюбил жену, и она полюбила меня великой любовью, и между нами наступило согласие, и мы пребывали в сладостнейшей жизни и в приятнейшем существовании. И мы прожили так некоторое время, и Аллах великий лишил жены моего соседа, который был мне другом, и я вошел к нему, чтобы утешить его в его потере и увидел, что он в наихудшем состоянии, озабочен и утомлен сердцем и умом. И я стал ему соболезновать и утешать его и сказал ему: "Не печалься о твоей жене! Аллах великий даст тебе взамен благо и жену лучшую, чем она, и будет жизнь твоя долгой, если захочет Аллах великий". И сосед мой заплакал сильным плачем и сказал мне: "О друг мой, как я женюсь на другой женщине и как Аллах даст мне лучшую, чем она, когда моей жизни остался один день?" – "О брат мой, – ответил я ему, вернись к разуму и не возвещай самому себе о смерти: ты ведь хорош, здоров и благополучен". – "О друг мой, – воскликнул сосед, – клянусь твоей жизнью, сегодня ты потеряешь меня и в жизни меня не увидишь!" – "А как это?" – спросил я. И сосед ответил: "Сегодня будут хоронить мою жену, и меня похоронят вместе с ней в могиле. В нашей стране есть такой обычай: если умирает женщина, ее мужа хоронят с ней заживо, а если умирает мужчина, с ним хоронят заживо его жену, чтобы ни один из них не наслаждался жизнью после своего супруга". – "Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – это очень скверный обычай, и никто не может его вынести!"

И когда мы вели этот разговор, вдруг пришло большинство жителей города, и они стали утешать моего друга в потере жены и его собственной жизни и начали обряжать мертвую, следуя своему обычаю. Они принесли ящик и понесли в нем женщину (а ее муж был с ними), и вышли за город, и пришли в некую местность возле горы, у моря; и тогда они подошли к одному месту и подняли большой камень, и из-под камня показалась каменная крышка вроде закраины колодца, и они бросили женщину в отверстие, – и оказалось, что это большой колодец под горой. А потом они принесли ее мужа, и, привязав ему под грудь веревку из пальмового лыка, спустили его в этот колодец и спустили к нему большой кувшин с пресной водой и семь хлебных лепешек. И когда его опустили, он отвязал от себя веревку, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

веревку вытащили и закрыли отверстие колодца тем же большим камнем, как прежде, и все ушли своей дорогой, оставив моего друга подле его жены в колодце.

И я сказал про себя: "Клянусь Аллахом, эта смерть тяжелей, чем первая смерть!" А потом я пошел к их царю и сказал: "О господин, как это вы хороните живого вместе с мертвым в вашей стране?" И царь ответил: "Знай, что таков обычай в наших странах: когда умирает мужчина, мы хороним вместе с ним жену, а когда умирает женщина, мы хороним с ней ее мужа заживо, чтобы не разлучать их при жизни и после смерти; и этот обычай идет от наших дедов". – "О царь времени, – спросил я, – а если у чужеземца, как я, умирает жена, вы тоже поступаете с ним так, как поступили с тем человеком?" – "Да, – отвечал царь, – мы хороним его вместе с ней и поступаем с ним так, как ты видел".

И когда я услышал от него эти слова, у меня лопнул желчный пузырь от сильной печали и огорчения о самом себе, и мой ум смутился, и я стал бояться, что моя жена умрет раньше меня и меня похоронят с нею при жизни. Но затем я стал утешать себя и сказал: "Может быть, я умру раньше нес, никто ведь не отличит опережающего от настигающего".

И я стал развлекаться какими-то делами. Но после этого прошел лишь малый срок, и моя жена заболела и, прожив немного дней, умерла, и большинство жителей – пришло утешать меня и утешать родных моей жены в потере ее, и царь пришел утешать меня, следуя обычаю. А затем они привели обмывальщицу и обмыли женщину и одели ее в наилучшие, какие у нее были, одежды, украшения, ожерелья, драгоценные камни и металлы, а одев мою жену, ее положили в ящик и понесли, и пошли с ней к той горе, и подняли камень с отверстия колодца, и бросили в него мертвую. А потом ко мне подошли все мои друзья и родственники жены и стали со мной прощаться, а я кричал, стоя между ними: "Я чужеземец, и нет у меня силы выносить ваши обычаи!" Но они не слушали моих слов и не обращали внимания на мои речи.

И они схватили меня и насильно связали и привязали со мной семь хлебных лепешек и кувшин пресной воды, как полагалось по обычаю, и спустили меня в этот колодец, и вдруг оказалось, что это огромная пещера под горой. "Отвяжи от себя веревки!" – сказали мне они; но я не согласился отвязаться, и они бросили ко мне веревки, а затем прикрыли отверстие колодца тем большим камнем, который был на нем, и ушли своей дорогой..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят четвертая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Синдбада-морехода опустили в пещеру вместе с его женой, которая умерла, вход в пещеру закрыли и все ушли своей дорогой.

"А что до меня, – говорил Синдбад, – то я увидел в этой пещере много мертвых, издававших зловонный и противный запах, и стал упрекать себя за то, что я сделал, и воскликнул: "Клянусь Аллахом, я заслуживаю всего того, что со мной случается и что мне выпадает!" И я перестал отличать ночь ото дня и стал питаться немногим, начиная есть только тогда, когда голод едва не разрывал меня, и не пил, раньше чем жажда становилась очень сильной, боясь, что у меня кончатся пища и вода. "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул я. – Что заставило меня, на беду мне, жениться в этом городе! Едва я скажу: вот я вышел из беды, как сейчас же попадаю в беду еще большую. Клянусь Аллахом, такая смерть – смерть плохая! О, если бы я потонул в море или умер в горах это было бы лучше такой скверной смерти!"

И я пребывал в таком состоянии, упрекая себя, и спал на костях мертвецов, взывая о помощи к Аллаху великому и желая себе смерти, но я не находил ее, так мне было тяжело.

И я жил таким образом, пока голод не сжег моего сердца и меня не спалила жажда и тогда я присел и, найдя ощупью хлеб, поел его немного и запил небольшим количеством воды. А после этого я поднялся на ноги и стал ходить по этой пещере и увидел, что она обширна, с пустыми пространствами, и на земле ее много мертвецов и костей, тлеющих с древних времен. И я устроил себе местечко на краю пещеры, далеко от свежих мертвецов, и стал там спать, и моя пища уменьшилась, и у меня осталось ее очень немного, а я ел раз в день или реже и один раз пил, боясь, что у меня кончатся вода и пища, прежде чем я умру.

И я продолжал жить таким образом. И вот в один из дней я сидел, и когда я сидел и раздумывал, что я буду делать, когда у меня кончится пища и вода, вдруг камень сдвинули с места, и из отверстия ко мне проник свет. "Посмотреть бы, в чем дело!" – воскликнул я, и вдруг увидел, что у верхушки колодца стоят люди и они опускают мертвого мужчину и живую женщину, которая плачет и кричит о самой себе, и с нею опускают много пищи и воды. И я стал смотреть на эту женщину, а она меня не видела, и люди закрыли отверстие колодца камнем и ушли своей дорогой.

И я встал и, взяв в руку берцовую кость мертвого мужчины, подошел к женщине и ударил ее костью по середине головы, и она упала на землю без памяти, и тогда я ударил ее второй раз и третий, и она умерла. И я взял" ее хлеб и то, что с ней было, и увидел, что на ней много украшений, одежд и ожерелий из драгоценных камней и металлов. А взяв воду и пищу, бывшую у женщины, я сел в том месте, которое себе устроил в углу пещеры, чтобы там спать, и стал есть эту пищу понемногу, чтобы прокормить себя и не извести пищу быстро и не умереть с голоду и жажды.

И я оставался в этой пещере некоторое время, и всякий раз, как кого-нибудь хоронили, я убивал того, кого хоронили с ним заживо, и брал его пищу и питье и питался этим.

И вот однажды я спал и пробудился от сна и услышал, что кто-то возится в углу пещеры. "Что это такое может быть?" – спросил я себя, и я встал и пошел по направлению шума, захватив берцовую кость мертвого мужчины; и когда шумевший почуял меня, он убежал и умчался, и оказалось, что это дикий зверь. И я шел за ним до середины пещеры, и передо мной появился свет, светивший из маленькой щели, точно звезда, и он то появлялся, то скрывался.

И, увидев свет, я направился к тому месту и, подходя к нему, видел сквозь него свет, который все расширялся. И я убедился тогда, что это пролом в пещере, выходивший наружу, и сказал про себя: "Этому должна быть причина. Либо это другое отверстие, такое же, как то, через которое меня опустили, либо в этом месте пролом". И я подумал про себя некоторое время и пошел по направлению к свету; и вдруг оказалось что это брешь в хребте юры, которую проломили дикие звери. И они входили через нее в это место и ели мертвых, пока не насытятся, а потом выходили через эту брешь.

И когда я увидел это, дух мой успокоился, тревога моей души улеглась, и сердце отдохнуло, и я уверился, что буду жив после смерти, и чувствовал себя, как во сне. И я трудился до тех пор, пока не вышел через этот пролом; и я увидел себя на берегу соленого моря, на вершине большой горы, которая отделяла море от острова и города, и никто не мог до нее добраться.

И я прославил Аллаха великого и возблагодарил его, и обрадовался великой радостью, и сердце мое возвеселилось, а потом я вернулся через брешь в пещеру и перенес всю бывшую там пищу и воду, которую я накопил. Я взял одежды мертвых и надел на себя кое-какие из них на те, которые были на мне, и взял из того, что было на мертвых, – много разных ожерелий, драгоценных камней, жемчужных цепочек и украшений из серебра и золота, отделанных разными металлами и редкостями. Я завязал в свою одежду платья мертвецов и вынес через брешь на гору и стоял у моря; и каждый день я спускался в пещеру и осматривал ее, и у всякого, кого хоронили, я отбирал пищу и воду и убивал его, все равно был ли это мужчина, или женщина; а потом я выходил через брешь и садился на берегу моря, ожидая, что Аллах великий поможет мне и пошлет корабль, который пройдет мимо меня. И я выносил из этой пещеры все украшения, которые видел, и завязывал их в одежду мертвецов, и провел так некоторое время..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Пятьсот пятьдесят пятая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад–мореход выносил из пещеры все то, что он находил там из украшений и прочего, и он просидел на берегу моря некоторое время.

"И вот однажды я сидел на берегу моря, – говорил Синдбад, – и раздумывал о своем деле, и вдруг вижу – плывет корабль посреди ревущего моря, где бьются волны.

И я взял в руку белую одежду из одежд мертвых и, привязав ее к палке, побежал на берег моря и стал делать этой одеждой знаки путникам, пока они не бросили взгляда и не увидали меня, когда я стоял на вершине горы. И они подплыли ко мне и услышали мой голос и послали ко мне лодку, в которой была толпа людей, ехавших на корабле; и, приблизившись ко мне, они спросит. "Кто ты и почему сидишь на этом месте? Как ты достиг этой горы, когда мы в жизни не видали, чтобы кто–нибудь подходил к ней?" – "Я купец, – отвечал я им. – Корабль, на котором я ехал, потонул, но я выплыл на доске, и со мной были мои вещи, и Аллах облегчил мне выход в этом месте с вещами благодаря моим стараниям и ловкости, после великого утомления". И они взяли меня с собой в лодку и погрузили все то, что я взял из пещеры и завязал в одежды и саваны, и отправились со мной и подняли меня на корабль к капитану вместе со всеми моими вещами. "О человек, спросил меня капитан, – как ты пробрался к этому месту, когда это большая гора, за которой стоит большой город, а я всю жизнь плаваю по этому морю и проплываю мимо этой горы, но не вижу на ней никого, кроме зверей и птиц". – "Я купец, – отвечал я, – и был на большом корабле, который разбился, и все мои вещи – эти материи и одежды – стали тонуть, но я положил их на большую доску из корабельных досок, и моя судьба и счастье помогли мне подняться на эту гору, и я стал ожидать, пока кто–нибудь проедет и возьмет меня с собой".

И я не рассказал этим людям, что со мной случилось в городе и пещере, боясь, что с ними на корабле окажется кто–нибудь из этого города. Затем я предложил хозяину корабля многое из моего имущества и сказал ему: "О господин, ты виновник моего спасения с этой горы, возьми же это от меня за ту милость, которую ты оказал мне". Но капитан не принял от меня этого и сказал: "Мы ни от кого ничего не берем. Когда мы видим потерпевшего кораблекрушение на берегу моря или на острове, мы берем его к себе и кормим и поим и, сети он нагой, одеваем его, а когда мы приходим в безопасную гавань, мы даем ему что–нибудь от себя в подарок и оказываем ему милость и благодеяние ради лика Аллаха великого".

И тогда я пожелал ему долгой жизни, и мы ехали от острова к острову и из моря в море, и я надеялся спастись и радовался моему благополучию, но всякий раз, как я думал о пребывании моем в пещере вместе с женой, разум покидал меня. И мы благополучно достигли, по могуществу Аллаха, города Басры, и я вышел в город и оставался там немного дней, а после этого я прибыл в город Багдад и пришел в свой квартал, и вошел к себе в дом, и встретил родных и друзей и спросил их, что было с ними, и они обрадовались моему спасению и поздравили меня. И я сложил все вещи, которые у меня были, в кладовые и стал раздавать милостыню, и дарить, и одевать сирот и вдов, и жил в крайнем веселье и радости, и вернулся к прежней дружбе и товариществу и общению с друзьями, к забавам и ликованию.

Вот самое удивительное, что было со мной в четвертое путешествие. Но поужинай у меня, о брат мой, и возьми себе обычное, а завтра ты придешь ко мне, и я расскажу тебе, что со мной было и произошло в пятое путешествие, оно более удивительно и диковинно, чем предыдущие".

И затем Синдбад приказал выдать носильщику сто мискалей золотом и велел расставлять столы; и все поужинали и ушли своей дорогой, удивляясь до крайней степени ведь каждый рассказ был страшней, чем предыдущий.

А Синдбад носильщик отправился в свое жилище и провел ночь до крайности весело и радостно, а когда настало утро и засияло светом и заблестало, Синдбад сухопутный поднялся и, совершив утреннюю молитву, пошел и пришел в дом Синдбада морехода. Он пожелал ему доброго утра, и Синдбад–мореход отвечал: "Добро пожаловать!" – и велел ему сесть возле себя.

И когда пришли остальные его товарищи, они поели и попили, и насладились, и повеселились, и пошла между ними беседа. И Синдбад мореход сказал..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят шестая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад–мореход начал речь о том, что с ним случилось и что ему выпало в пятое путешествие.